

— Что ты делаешь... — тихо и сдерживающе произнес Лу Вэньхао. Что, если это спровоцирует переполох?

Но Сун Шаоянь не остановился. В его голове билась лишь одна мысль: еще чуть-чуть вперед, всего лишь немного, и они с Лу Вэньхао смогут...

Беженцы, стоявшие в очереди, с крайним изумлением смотрели на двоих, пробивавшихся сквозь толпу. Странно, но никто из них не произнес ни слова протеста.

Молодой человек с поврежденными ногами, которого другой юноша поддерживал, почти обнимая, отчаянно пытался добраться до моста Хэйтун...

Сун Шаоянь расценил молчание беженцев как проявление сострадания и братской любви.

Вскоре они протиснулись ближе к началу очереди.

Внезапно.

— Не двигайся! Если пошевелишься... я выстрелю! — жесткая интонация и грамматика выдавали в говорящем иностранца, а не китайца.

Дула двух японских пистолетов «Намбу» уперлись им в поясницу. Предохранители были сняты, случайный выстрел мог произойти в любую секунду.

Беженцы вокруг, казалось, не двигались, но на деле незаметно окружили их плотным кольцом, через которое невозможно было пробиться. Те, кто стоял снаружи, понятия не имели, что происходит внутри.

С пистолетами были мужчина и женщина, на вид — супружеская пара. Но «жена»... на самом деле оказалась худощавым мужчиной.

Зверский взгляд, привычка профессионально держать оружие, нарочито опущенная при ходьбе голова...

Сун Шаоянь повернул шею, осматривая тех, кто был спереди, сзади и по бокам. Деревенские женщины, крестьяне, извозчики... Разве это беженцы? Нет, нет и нет! Все они — переодетые японцы.

Пустота в городке Ламын, бездействие японской армии — теперь всё это получило самое логичное объяснение.

Он наконец понял, почему его охватило беспокойство: дети!

Он сам прошел через бегство из родных мест и по опыту знал: любая семья в первую очередь думает о детях. Даже если взрослые не могут уйти, они обязательно постараются отправить ребенка в безопасное место. Но здесь, в этом отряде, который казался толпой беженцев, не было ни одного ребенка!

Почему он не догадался раньше? Сун Шаоянь мысленно выругал себя дураком.

— Шаоянь... они хотят смешаться с толпой, чтобы перейти на тот берег, а потом ударить с двух сторон, — тихо сказал Лу Вэньхао. Хотя его физические силы истощались, разум оставался ясным.

— Я знаю, — ответил Сун Шаоянь. Они продолжали медленно и равномерно двигаться вперед вместе с этой фальшивой толпой.

Ствол пистолета у поясицы надавил сильнее.

— Вы двое. Ни звука! — в голосе японского угрожающего прозвучали убийственные нотки. Однако на самом деле, если не будет крайней необходимости, он не станет стрелять и выдавать себя.

Лу Вэньхао поднял голову, их взгляды встретились. В этот миг они прочитали мысли друг друга по глазам.

Можем ли мы просто смотреть, как захватчики переходят мост?

Конечно, нет.

Ты боишься?

Конечно, нет.

Я люблю тебя.

Я тоже.

Достигнув этого последнего согласия, Сун Шаоянь снова улыбнулся Лу Вэньхао. В этот раз, возможно, им действительно суждено умереть вместе? Внезапно он ощутил, как внутри поднимается мощный дух, словно он снова стал тем молодым, полным честолюбия и бесстрашия юношей, что жил в нем когда-то.

Солнце зависло на западе, теплое и тусклое. Под покрытым мглой и сумраком небом, над рекой Нуцзян, где бурлило множество пугающих водоворотов, их окружали звуки шагов, словно демоны выбрались из ада, и эти звуки заглушал яростный рев вод Нуцзяна.

Они уже ступили на мост Хэйтун. Грузовик, который собирался проехать в Ламын, но развернулся назад, по неизвестной причине застрял у входа на мост, из-за чего колонна беженцев вынужденно вытянулась в узкую линию.

Кольцо окружения пришлось разомкнуть, растягивая его вперед и назад.

Однако дуло пистолета у поясицы ни на миг не ослабило давления.

Внезапно колонна остановилась. Большой грузовик, пытавшийся развернуться, столкнулся с другой машиной, и теперь наглый водитель спорил с солдатами, охраняющими мост.

Вот сейчас. Лучший шанс.

Смогут ли они сорвать замысел японцев? Всё зависело только от этого рывка. Успех был не гарантирован, но решимость пожертвовать собой — была.

Сун Шаоянь украдкой протянул правую руку к поясу. Только Лу Вэньхао заметил это движение. Он пристально посмотрел на возлюбленного, чьи щеки были в грязи и потеках пота, но который оставался таким же притягательным, как прежде, и слегка приподнял уголки губ. В этой улыбке читалось бесконечное удовлетворение.

— Па! — из гущи беженцев раздался звук, который здесь никак не должен был прозвучать: выстрел.

Словно желая доказать солдатам на том берегу, что первый звук не был ошибкой — «Па! Па!», следом раздалось еще два выстрела.

Внешне спокойное небо было в мгновение ока разорвано пронзительными звуками. На восточном берегу, на западном, на самом мосту — все охватила паника. Автомобильные гудки принялись вторить хаосу, внося окончательную сумятицу.

Затем две сплетенные фигуры, словно опавшие листья, подхваченные осенним ветром, рухнули с моста прямо в реку. На поверхности воды всплеснули незначительные брызги, разошлись тонкие, слабые алые нити крови, которые тут же исчезли, и река вновь стала прежней.

Для бушующей и мощной реки, протекающей в природе, падение двух людей в воду ничем не

отличалось от падения двух камней. Она продолжала свой неумолимый бег, проходя через Китай, через Мьянму, впадая в конце концов в неведомый уголок Индийского океана...

Нуцзян то выплевывала, то вбирала бледную пену. Множество острых черных рифов усеивали русло. Грохочущие волны неслись, будто тысячи скакунов, несущихся по прерии. Лишь одинокие орлы, кружащиеся в глубоком синем небе, казались такими потерянными и жалкими.

Этого никто не заметил, потому что люди были заняты сражением. Китайская армия обнаружила неладное и ввела осадное положение, а японские солдаты, приняв это за то, что их план раскрыт, сорвали маскировку и перешли в открытое наступление.

В пылу боя офицер, отвечавший за охрану моста, решительно нажал на детонатор.

Раздался громоподобный взрыв. Мост Хэйтун, единственный крупный переход через Нуцзян, рухнул вниз.

Возможно, всё сущее превратилось в летящие осколки в момент этого крушения. Китайцы, японцы, жизни, идеалы, голоса, следы...

До самого конца войны японцы так и не смогли перейти Нуцзян.

После 1944 года китайская армия перешла в стратегическое контрнаступление. Пройдя через знаменитые в истории войны сопротивления ожесточенные и трагические битвы при Тэнчуне и Суншане, они наконец отвоевали огромные территории к западу от Нуцзяна.

Быть может, воспоминания в долгие годы будут расчленены на смену эпох и постепенно выцветут.

Но та история любви двух мужчин — неизвестная никому, полная сопротивления и героической решимости в свой последний час, — вопреки смене времен и течению лет, продолжала звучать эхом, день за днем, год за годом.

Эпилог

2002 год нашей эры, весна, Чунцин.

В самом оживленном центре города, у памятника Освобождения, местные и приезжие — старые и молодые, красивые и некрасивые, мужчины и женщины — собирались группами, чтобы сфотографироваться на память.

Четыре широкие улицы расходились от обелиска в разные стороны; та, что шла с юго-востока

на северо-запад, называлась улицей Цзоу Жун.

Старик с волосами белыми, как иней, катил инвалидную коляску, а рядом с ним двадцатилетняя девушка с огромным рюкзаком стояла на перекрестке улиц Цзоу Жун и Линьцзян, глядя вверх на шестидесятиэтажное здание в процессе строительства.

— Это строящийся Всемирный торговый центр Чунцина. До начала реконструкции города в 1997 году здесь находился...

— Я знаю, западный ресторан «Салливан», — перебил девушку старик. — «Салливан» изначально открылся недалеко от Ванлунмэня, рядом с банком «Цзюйсинчэн». А вскоре после бомбардировки 3-5 и 5-4 в 1939 году переехал сюда. Я ничего не путаю, Вэньхао?

Второй старик, сидевший в инвалидном кресле, слегка кивнул.

Молодая девушка, гид международного туристического агентства по имени Чжао Цзинцзин, одиноко пожала плечами.

— Господин Сун, думаю, вам вообще не нужен гид, — она работала гидом три года и еще никогда не встречала таких необычных туристов.

Два старика, приехавшие из Америки, им уже было за восемьдесят, по крайней мере, так значилось в паспортах. Но эта статья, эта манера держаться... Не говоря уже о господине Лу в коляске, другой старик, господин Сун — если смотреть со спины, его грациозная осанка была по-настоящему статнее, чем у многих двадцати-тридцатилетних.

Они выбрали полусамостоятельный тур с местным сопровождающим, но места, которые они посещали, были поистине странными. Как вчера: они отправились на южный берег Янцзы, на гору Наньшань. Обычно туристы, возвращающиеся в старые места, не делают ничего, кроме как любуются ночными видами у «Трех деревьев», смотрят на горы с «Золотого орла» или пробуют «Курицу в родниковой воде» у подножия. Они же, словно старые кони, знающие дорогу, велели водителю петлять по переулкам, пока не приехали на пустынный участок. Там, на десятки метров вокруг, стоял лишь одинокий, холодный гранитный памятник с надписью «Кладбище ВВС — культурное наследие Войны Сопротивления города Чунцин», который когда-то пострадал во время «Культурной революции». Там покоились более двухсот героев авиации со всей страны и из-за границы.

Неужели они из бывших «Летающих тигров»? Но почему их не сопровождают правительственные чиновники? И как они могут так хорошо знать каждый уголок этого города?

— Девочка, скорее вези нас в Шанцинсы, — команда господина Суна прервала её раздумья.

Сегодня центр Шанцинсы представлял собой огромное кольцевое движение, над которым возвышался полукруглый пешеходный мост, соединяющий дороги в сторону Цзаоцзыланья и моста через Цзялинцзян. В северной части моста находился кинотеатр «Синьлэ».

Чжао Цзинцзин видела, как старики долго стояли перед дверями кинотеатра.

— Вэньхао, помнишь? Здесь раньше были ворота Теюань. Сразу при входе дорога расходилась: одна вела к главному зданию, другая — к Канчжуану и Пинлу, где ты когда-то работал.

— Конечно, помню. В главном здании пол был выложен голубым фарфором с узором «бао», виноградная лоза в саду дорастала до самого внутреннего двора, и мы с Девятой госпожой... — он внезапно замолчал и тихо вздохнул.

Большинство зданий Теюань были сожжены хунвейбинами в начале «Культурной революции», а потомки семьи Сянь были разбросаны по свету, как пережаты-поле. Былое величие теперь можно было отыскать только в далеких воспоминаниях.

Они нехотя ушли.

— Не хочешь заглянуть в наш прежний дом? — Вэньхао в кресле поднял голову под углом девяносто градусов и спросил Сун Шаояня, который его вез.

— Не нужно. Говорят, его давно сровняли с землей и перестроили в офисное здание Федерации женщин Чунцина. Посмотрим — лишь нахлынет больше тоски, лучше не видеть.

Сун Шаоянь протянул палец и легонько щелкнул Вэньхао по лбу.

Время словно повернуло вспять, вернувшись в тот солнечный полдень шестьдесят с лишним лет назад, когда они встретились в западном ресторане «Салливан».

На самом деле не стоило печалиться об исчезновении старых зданий. Именно потому, что они утрачены, они стали вечным воспоминанием, а обрывочные воспоминания — единственное, чем можно обладать после потери.

— Давай съездим на Элин, там всё сохранилось лучше всего, — предложил Сун Шаоянь.

Вэньхао с улыбкой покачал головой.

Лиюань после освобождения был «добровольно» пожертвован семьей Ли государству, в 58-м году открыт как парк для горожан — именно поэтому он так хорошо сохранился.

Ли Юньтун после победы в войне уехал в Гонконг, женился, завел детей... А его старший брат остался на материке, вступил в партию, но после движения «Четыре чистки»... впрочем, не стоит об этом.

Двоюродная сестра Вэньхао, Люй Чун, была единственной в семье, кто остался в стране. В 44-м она вышла замуж за Ван Сишэна, в середине пятидесятых Ван скончался в Шанхае от внезапного кровоизлияния в мозг, и после этого она больше не выходила замуж. Как бы то ни было, прожить жизнь, любив — это тоже своего рода достижение.

Каждое место, куда они приходили поклониться памяти, казалось, имело печальный финал.

По сравнению с другими, им необычайно повезло.

Шестьдесят лет назад, падая в Нуцзян, они оба были готовы умереть. Однако событие, в котором, казалось бы, не было шансов на выживание, стало чудом благодаря своевременной поддержке «Летающих тигров».

Тогда, после провала японского плана, враги подготовили сотни резиновых лодок, намереваясь построить понтонный мост и взять укрепления тактикой муравьев. В этот критический момент в небе появились десять с лишним истребителей P-40, которые открыли бешеный огонь по поверхности реки и отбросили японских захватчиков, уже почти перебравшихся на тот берег.

Их самих течением отнесло к югу от моста Хэйтун, они застряли в речных рифах и вскоре были обнаружены с воздуха и спасены.

В последующие три года Сун Шаоянь продолжал летать по «Горбатой» трассе, курсируя между Китаем и Индией. К моменту увольнения в 45-м он доставил в глубокий тыл тысячи тонн различных грузов и был награжден правительством Гоминьдана орденом «Облака и Знамени» и орденом «Синее небо и белое солнце».

После окончания войны они всей семьей переехали в Сан-Франциско — еще в двадцатых годах семья Сун сделала там обширные инвестиции.

Десятилетиями они жили друг другом, неразлучные до самого конца.

Единственным изъяном было то, что при падении в Нуцзян левая нога Вэньхао ударилась о риф, а в сочетании со старыми ранами это привело к ампутации, и с тех пор он жил в инвалидном кресле.

Но перед лицом времени и судьбы — что это значило?

К тому же, у них была любовь.

— Давай съездим на Голэшань. В это время года как раз цветут азалии. — Всё те же горы, те же деревья, те же ярко-красные, ослепительные азалии.

— Азалии красны, как огонь, цветы расцветают, цветы опадают... — стоя на вершине, чувствуя легкий ветерок, Вэньхао улыбался очень счастливо. — Прости, последние строки я не мог вспомнить шестьдесят лет. — Сун Шаоянь посмотрел на него с нежной заботой, присел рядом с креслом и взял его руку, на которой блестело кольцо. Хотя это была дряблая, покрытая старческими пятнами рука, в его глазах она не уступала сверкающим бриллиантам, такая же сухая и теплая, как шестьдесят лет назад.

Полгода назад у Вэньхао диагностировали терминальную стадию рака печени, дней оставалось немного, да и он сам был уже на закате жизни, как угасающая лампа. Небо — крышка гроба, земля — дно. Разные пути привели к одному финалу, которого им было не избежать.

Поэтому они пересекли океан, проехали путь от Пекина до Чунцина, от моста Лугоуцяо до горы Голэшань, чтобы вновь посетить родные края, с которыми расстались так давно.

— Шаоянь, ты не мог бы прочитать мне еще раз «Мир суетен» из «Шести записок о брэнной жизни»? — Лу Вэньхао почувствовал, как веки тяжелеют, сонливость одолевала его. Сегодня они много ездили и много ходили.

— Мир суетен, время ограничено, стоит ли так спешить? Жизнь проходит в хлопотах, короткое путая с долгим, забывая, что расцвет и увядание предопределены, а приобретения и потери не поддаются счету. Посмотри на осенний ветер в Цзиньгу, на лунную ночь над рекой Уцзян, на холод дворца Эпан, на развалины террасы Тунцюэ. Слава — как роса на лепестках, богатство — как иней на траве. Постигнув суть вещей, забываешь обо всех тревогах. К чему хвастаться высокими теремами, к чему говорить об оковах выгоды? В свободный час, в тишине, предадимся вину и стихам. Споем песню о том, что возвращение не поздно, воспоем о бескрайних озерах и морях. Встречая время и пейзажи, собирая цветы, пригласив верных друзей, пойдем к ручью в поле; поиграем на цине, поупражняемся в каллиграфии, пустим чаши по извилистой воде: поговорим о добре и воздаянии, обсудим падение и расцвет древних времен, глядя, как цветы сплетаются в парчу, слушая птиц, поющих под аккомпанемент шэна, оставим другим изменчивость чувств и холод мира; проведем годы в досуге, проживем время беззаботно...

На берегу Цыцикоу, над рекой Цзялинцзян, звук свирели из тростника и старые стихи всегда были запечатлены в их памяти, становясь с годами лишь ценнее.

Хотя время идет непрестанно, а шестеренки судьбы никогда не останавливаются, чувства прошлого, словно аромат сандала из курильницы, поднимались тонкими струйками, прекрасные, как цветущие азалии.

Они превратились из красавцев-юношей в стариков с морщинистой кожей и седыми волосами, но разве это важно? Даже если красота увяла, а молодость прошла, они глубоко любили морщины и седину друг друга.

— Господин Сун, пора ужинать. Эта курица с перцем на горе Голэшань... — проговорила Чжао Цзинцзин за их спинами.

Сун Шаоянь, не дожидаясь, пока она подойдет ближе, тут же приложил палец к губам, призывая к тишине.

Голова Вэньхао склонилась набок и тихо опустилась на плечо Сун Шаояня, он безмятежно закрыл глаза.

— Вэньхао... разве ты не говорил, что родился и вырос здесь, и хочешь здесь же умереть? Твое давнее желание теперь наконец исполнилось.

Юноша, в которого он влюбился с первого взгляда на пассажирском пароходе, юноша, который зажег в нем надежду в военной столице, юноша, который защищал его в самолете, юноша, с которым он обнимался на мосту через Нуцзян... в его сердце он никогда не старел.

Сун Шаоянь с безграничной любовью смотрел на своего спящего, единственного за всю жизнь возлюбленного, в его глазах переполняла нежность и тихая, глубокая скорбь.

Я люблю тебя.

Я тоже.

Лес — сплошная изумрудная зелень; море цветов — ярко-красное полотно. Чистая любовь в бренном мире тихо растворялась в вечернем ветре.

=Конец=

<http://bllate.org/book/21143/2144176>